

В. А. Солоницын

СКАЗАНИЕ О ВЕЛИКОМ ПОЭТЕ, КОТОРЫЙ НАЧАЛ ПИСАТЬ СТИХИ И ПЕРЕСТАЛ ПИСАТЬ СТИХИ

Публикация А.Ю. Балакина

Был великий поэт.

Многие весьма сердятся на кухарок, когда те соскабливают ножом чешую с живой рыбы или варят живых раков. – Многие называют это бесчеловечием – было бы правильнее безрачием или безрыбием, но – они называют это бесчеловечием и обливают слезами страдания раков и рыб.

Мой великий поэт говорил, что эти страдания – ничего не значат.

Известны ли вам Фаларис и Прокруст¹? – О! конечно, известны, и вы также знаете, что эти добрые люди пекли – один в медном быке, а другой на железной кровати – своих неприятелей.

Что ж вы думаете? мой великий поэт утверждал, что и страдания тех, которых пекли, – ничего не значат!

Вот какой великий поэт!

В доказательство он приводил один факт из своей поэтической жизни, – факт, который читатели найдут в этой статье, ежели соблаговолят пробежать ее.

Мой великий поэт слушал, в высоком звании «вольноприходящего», лекции профессоров Казанского университета. Казалось бы, чему тут быть поэтическому: лекции самые обыкновенные, казанские, чуть не татарские², да и поэт мой жил в Татарской Слободе³, на Булаке⁴ – улицы немощные, грязные, дома неопрятные, жители и жительницы еще неопрятнее; право, ничего не было поэтического; ...но однажды, при захождении солнца, он услышал моззина, который с минарета ближней мечети сзывал правоверных на вечерний намаз, – и почувствовал, что он великий поэт.

Это случилось следующим образом.

Когда моззин запел гнусливым голосом стих из Корана, вольноприходящий слушатель, еще не будучи в то время поэтом, невзначай поднял голову и увидел зарево, которым заходящее солнце облило целую половину неба. Эта картина, хотя она была на западе, показалась ему такую восточную, что он совсем позабыл, что живет

в Казани: мечта перенесла его в «озаренную Божиим светом» Медину⁵; сердце дрогнуло, в устах зашевелился стих из русского перевода «Абидосской невесты»; он бросился бежать во всю мочь, добежал до своей квартиры, ворвался в свою тесную комнату и написал – не снимая фуражки – следующий стих:

Зюлейка! ты – жемчужина востока!⁶

Более – он в этот прием ничего не написал, но дело в том, что он узнал свое призвание, – узнал, что он великий поэт.

Байрон, который был поэт несравненно меньше, проложил широкое шоссе к берегам Босфора. Михайло Трофимович Каченовский⁷ переделал его поэтические создания в прозаические переводы; он перевел их во всех отношениях и напечатал на серой бумаге⁸ в своем «Вестнике Европы». Но Байрон был громок – и лирою и характером; на его летучего пегаса садился подчас и Пушкин, и вот – вслед за Пушкиным, напивавшись переводами Михайла Трофимовича, – потянулись, поползли, заковыляли многие и премногие бездарные стихотворители⁹ – кто под руку с «Паризиной»¹⁰, кто завесившись покрывалом «Гречанки», кто спрятавшись в широкие шальвары «Гяура», кто на цепи «Киргизского пленника», кто ухватясь за аркан «Гребенского казака», кто под шапкою разбойника «Чеки»¹¹, и так далее; был даже один развратник, который связался с какою-то «Девуою семи ангелов», да – слава Богу – он почти не пишет с тех пор, как ему «выбили три зуба» при «Осаде Пскова»¹². – Но всех их не перечить, а если бы мы решились повторить вам те ужасы, те злодейства и сумасбродства, которые рассказывали нам эти господа в поездки свои на восток¹³, да всё стихами, так уж поверьте, вы были бы готовы бежать от них хоть в «Пещеру Кудеяра» господина Степанова или вместе с «Пленником Турции» Дмитрия Коммиссарова дать тягу в «Муромские леса» Вельтмана, подобно «Скитающемуся страннику» Николая Фомина, совершившему «ночной побег к эшафоту»¹⁴.

Следствие всего вышесказанного, и великий поэт, вольноприходящий слушатель лекций в Казанском университете, отправился с своей музою на восток. Мы не знаем наверное, какую он выбрал дорогу; во всяком случае это не была дорога Френа, отца Иакинфа¹⁵ и других таких же презренных прозаиков; гораздо правдоподобнее, что он помчался очертя голову через романтические рвы и буераки, как следует всякому великому поэту. Но так как до рвов и буераков ему было физически необходимо пройти прежде грязную Татарскую Слободу, то он по дороге захватил с собой одну жившую там татарку – чудо красоты и целомудрия, четвертую жену богатого казан-

ского мещанина, которой он, впрочем, не имел случая видеть вполне, потому что встречал ее только на улице, когда она перебежала с одной стороны на другую, завернувшись с головой в мужнин халат и не показывая прохожим своих набеленных щек, насурмленных бровей и почернелых зубов. Имя этой восточной жемчужины также было ему неизвестно; да – что до имени! Абидосскую невесту звали Зюлейкой: почему ж и ему не назвать Зюлейкой своей красавицы? Имя прекрасное; будь же она Зюлейка! Мужа ее он назвал Османом, а себя, для порядка переделав в грека и чуть ли еще не в морского разбойника, окрестил именем Мавро Сталактити. Короче сказать, все было устроено наилучшим образом; поэма за поэмой, одна другой занимательнее, одна другой восточнее, поминутно рождались в голове великого поэта; оставалось только написать их, или – как он говорил – набросать. Но это безделка: великий поэт сел и написал:

Зюлейка, ты – жемчужина востока!

Да это все тот же стих – скажут строгие читатели. – Точно так, это тот же стих; но нынче великий поэт прибавил к нему еще три следующие:

Твой муж ужаснейший тиран.
Но я – клянусь брадой пророка! –
Убью его. Страшись, Осман!

По счастью, муж красавицы не знал о создании этого убийственного четверостишия, а то он, во имя Бога милостивого и милостью творящего¹⁶, переломал бы поэту ноги, с помощью того же самого пророка – да будет над ним благословение Аллаха и мир. Потатарски, как и по-русски, добиться бы чего хочется, а там – что будет, то будет: яриндаси Аллах керим – до утра Бог милостив!

Как бы то ни было, это четверостишие стоило поэту целой ночи и подало повод к тому, что он вполне оправдал свое звание «вольноприходящего» слушателя лекций, то есть не пошел на лекцию. Зато у него написалось еще восемь стихов, там еще восемь, там шесть, потом двенадцать; к сумеркам было налицо тридцать четыре стиха. Тут силы его истощились; он начал писать один стих, придумал другой, но уснул на третьем. Сон его продолжался сорок восемь стихов, считая по пяти минут на стих без рифмы и по полчаса на стих с рифмой, без смысла.

Это было начало великой поэмы.

Хотя восточные мудрецы говорят, что дело делается не так скоро, как сказывается сказка, – наш великий поэт представляет собой пример удивительной быстроты развития способностей. После двух дестей¹⁷ бумаги, он так применился к сочинению стихов, что они сами сбегали с пера его и редко выставлялись из строчки какой-

нибудь лишней стопой, на которую не стоило обращать и внимания. Он открыл известное число рифм, например: каштаны, мусульманы; брат, булат, и пр.; рифма приводила ему с собою мысль; мысли кипели, слагались в стихотворения, и почти каждый день являлся отрывок из новой поэмы в самом восточно-романтическом вкусе.

Разумеется, что великий поэт перестал посещать лекции. И на что ему? В Казанском университете учат математике, философии, правам; а в стихах разве пишут о правах и математике? В них говорится о любви, о мечте, о деве, об одиночестве и величии поэта. Любовь, мечту и деву он встречает всякий раз, когда видит свою татарку; одиночества ему не занимает статья: отец и мать его живут не в Казани; а величие поэта – это знакомо ему как своя ладонь, потому что он сам великий поэт.

Итак, он продолжал писать отрывки: душа его еще не хотела вполне высказаться¹⁸.

Но вдруг случилась с ним перемена, и какая же! он перестал воспевать татарку; имя Зюлейки решительно исчезло в его стихах; об Османе в них и помину не было; даже он переехал из Татарской Слободы за заставу, поселился в какой-то брошенной рыбацкой хижине на берегу Казанки и оттуда ударил страшным проклятием на весь женский пол. Причина, по которой он так разгневался, нам неизвестна: великий поэт не хотел объять ее. Но в стихах, написанных им в то время, было такое множество дерзких выходов против прелестнейшей половины человеческого рода, что мы, читая их, покраснели от стыда и закрылись «Славою женского пола» Гавриила Геракова¹⁹. Тут была буря, молния, гром, ад, фурии, злые духи – и все это человек сделал, живучи в развалинах хижины на берегу Казанки! – Господи Боже мой, мороз подирает по коже!

Скоро однако ж великому поэту стало тесно в рыбацкой хижине: он ее бросил и начал вести дикую жизнь, блуждая по полям, рощам и болотам. В это время творческая сила была возбуждена у него до такой степени, что голова не могла вместить в себе всех рождавшихся мыслей, тем более что великий поэт, одичав, перестал писать с рифмами, а взялся за белые стихи и за прозу. Ему хотелось заключить свои поэтические видения в раму, но ни одна рама не приходилась по мерке: все были тесны; обилие и могущество идей распирало каждую раму и сокрушало ее: настояла опасность, что такая же участь постигнет и голову великого поэта.

К счастью, подоспела осень: ненастье охолодило его поэтический жар и прогнало поэта назад в Татарскую Слободу. Он начал писать опять в восточном вкусе: на каждой строчке можно было найти соловья, розу, Аллаха, киоск, луну, пророка и несколько каких-то дьявольских слов, которые он перенял у татарина, прино-

сившего к нему халаты, – слов, которые были так неуклюжи, может быть, от ошибок великого поэта, что хорошему человеку и выговаривать их не надобно.

Приехал к нему отец.

– Здорово, Петенька! а я по делам пробираюсь в Москву, так заехал с тобой повидаться.

Великий поэт принял отца поэтически: вскочил, простер руки, сделал три трагические шага вперед и, приклонясь к родительской груди, омочил ее слезами.

– Ну что, каково у тебя в университете?

Великий поэт сделал три шага назад, повесил голову и, с видом болезненного сожаления о толпе, сказал:

– Я не хожу туда.

– Как не ходишь? – вскричал отец с удивлением.

– Я не хожу туда, – повторил поэт, приняв величественную осанку, – мое назначение выше.

Отец не понимал ничего. Но мало-помалу они объяснились.

– Так вот что! – сказал тогда нежный родитель. – Ну хорошо; только я в этом не разумею никакого толку. Напиши мне те стихи, которые ты сейчас прочитал: завтра я покажу их своим здешним приятелям.

Приятели эти были – гарнизонный майор, председатель уголовной палаты и учитель русской грамматики из гимназии.

Первый объявил, что ему ни по внутренней страже, ни по армии не случалось заниматься стихами; второй отозвался, что в стихах великого поэта заключается донос об уголовных преступлениях, но как дело происходило в Константинополе, городе не Казанской губернии, то он с своей стороны не может ничего сделать, а советует обратиться по принадлежности²⁰; третий поправил несколько грамматических ошибок.

– Послушай, Петенька, – сказал отец великого поэта, воротившись домой, – может быть, ты и в самом деле хорошо сочиняешь, да мне никто этого не умел сказать. Не хочешь ли ехать в Москву? там живут люди умные; притом же ведь ты уж не ходишь в университет, так что тебе тут болтаться? в Москве я, может статься, тебя пристрою.

Великому поэту нужны были впечатления жизни. Он сделал шаг вперед, шаг назад, приложил руку ко лбу и, после некоторого молчания, произнес торжественно: «Еду». – И поехали.

В Москве у великого поэта была бабушка, мать его отца, женщина очень добрая и «родственная», как говорили о ней по-московски. Она жила с тремя кошками, четырьмя собаками, двумя старыми компаньонками и одним сыном, дядею великого поэта: их все-

го было одиннадцать персон. Кошки спали на бабушкиной постели, собаки лаяли на гостей, компаньонки вязали филе²¹, сын толстел и дремал в углу на диване, а бабушка с утра до вечера бранилась с горничными, перебирала свои старинные наряды, обметала пыль на столиках и думала о внуках, которые были разлучены с нею всем протяжением столбовой дороги от Казани до Москвы. В доме ее господствовала необыкновенная чистота, однажды заведенный порядок не нарушался ни в каком случае, даже речи и разговоры всегда были слышны одни и те же, и гости ездили всё прежние, старинные – лысый статский советник, который любил рассказывать, как его исключили из службы, дородный отставной генерал, который всегда толковал о домостроительстве, особенно о настилке полов и штукатурке стен, да человек с десятков ближайших родственников и родственниц, которые проводили свое время в родственных визитах и сюрпризах при каждом фамильном событии или празднике.

– Здравствуйте, матушка! вот мой старший сын, а ваш внук.

– Неужли? Ах, какой большой! – Бабушка посмотрелась в зеркало.

– Мало того, что большой, – он и сочинитель: ужас сколько стихов пишет, да какие всё, говорит, отличные!

– Право? вот какой умница!

Начались обниманья и целованья; послали ко всем родным и знакомым повестить о приездах. Вечером стали являться то тот, то другой – посмотреть на молодого родственника, который пишет ужас сколько отличных стихов. Он в этот вечер был не в духе: у него в мозгу вырос удивительный стих, оканчивающийся словом «колесо»; но к слову «колесо» нет рифмы, – и великий поэт проклинал человечество. «Толпа! – говорил он одному маленькому двоюродному дяде, который, отведя его к окну, наведывался о здоровье его семейства, – толпа! ты не знаешь страданий поэта!» «Женщина! – отвечал он своей толстой тетке, которая спросила у него, хороша ли дорога, – женщина! ты своей обаятельной красотой отравляешь жизнь поэта!» Дядя и тетка, так же как и все прочие родственники, смотрели на него с удивлением, но бабушка, которая любила управлять образом мыслей в своем кругу, сказала, что внучек ее Петенька выражается непонятно потому, что он великий поэт, – и все смирились в ожидании, что будет дальше.

На другой день повезли великого поэта к какому-то профессору, с которым отец его был знаком по деревенскому соседству.

– Очень рад! очень рад! – сказал профессор, торопливо снимая очки и оправляя полы халата, – всякое новое светило на горизонте нашей литературы приветствую я с душевною радостью. Где вы воспитывались?

– В Казанском университете.

– Кончили курс?

– Нет.

– Это случается. Шекспир, Вольтер, Байрон – также не получили в молодости никаких ученых степеней, и не менее того были великие люди²². Не правда ли? Во всяком случае, вы, конечно, много занимались, много читали?

– Я читал всех русских авторов и переводы некоторых иностранных.

– Последних приятнее было бы читать в подлинниках. Вы изучали историю?

– Историю моего сердца.

– Философию?

– Я беспрестанно мыслил.

– Ну, по крайней мере, логику?

– Начинал.

– Жаль, что не кончили. Однако ж вы учились же чему-нибудь – например, хоть правилам языка, грамматике?

– Грамматике! что это вы говорите! Разве поэтический гений может грязнуть в грамматических тонкостях²³? к чему это послужит? Я говорю на природном языке правильно: зачем же мне терять время на книжное изучение его правил? Мое призвание – творить, создавать, поучать... а не учиться, – примолвил великий поэт с презрительною улыбкою.

Отец почувствовал что-то весьма приятное в своем родительском сердце, но еще смотрел вопрошающими глазами на профессора, который между тем встал и сказал, что ему надобно ехать.

– А что же вы думаете о моем сыне, поэте? – спросил отец.

– Ничего не думаю, – отвечал профессор.

– Так разве он не поэт?

– Не знаю. Мне теперь недосуг. Прощайте; приезжайте ко мне, когда он поучится.

– Этот профессор – человек положительный и схоластик, – говорил великий поэт отцу своему дорогою.

– Я не знаю, что такое схоластик; но оно должно быть так, – отвечал отец.

Дома они застали священника, которого бабушка пригласила, чтобы отслужить благодарственный молебен по случаю их благополучного приезда из Казани.

– Вот, батюшка, имею честь рекомендовать вам моего внука: он великий поэт.

– Да будет над ним благословение Божие. Трудись, мой сын, трудись во благо твоему ближнему, и пусть сладкие плоды трудов

твоих подают утешение несчастным и наставления всему роду человеческому. Читаешь ли ты древних поэтов-философов – Гомера, Горация, Вергилия?

– Нет, батюшка: я не знаю ни по-гречески, ни по латыни.

– Жаль. Так читай наши священные книги: это еще лучше, чем творения языческих мудрецов; в них ты найдешь высокую поэзию, которая просветит и пленит твой разум. Читай пророков Давида, Соломона, Иеремию, Исаию.

– Как бы не так! стану я читать Библию! Что в ней поймешь? и какая поэзия в пророках?.. Подите, батюшка! я сам пророк.

Священник посмотрел на него с изумлением.

– Что ж вы на меня смотрите? – вскричал великий поэт, – конечно, я пророк. Читали ли вы Пушкина?

– Читал.

– Помните ли вы его стихотворение «Пророк»?

– Не знаю... нет.

– То-то и есть! В этом стихотворении говорится, что некоторый человек лежал в пустыне, что к нему прилетел ангел, вынул у него язык и сердце, сделал из него пророка, и потом Бог сказал ему:

Встань, пророк, и виждь и внемли,
Исполнись волею моей,
И обходи моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.

А знаете ли, кого разумел Пушкин под пророком? Поэта. Итак – я пророк.

Священник не сделал никакого возражения, но уходя шепнул бабушке, что внучек ее либо помешан, либо вольнодумец, и потому за ним надобно строго присматривать.

Бабушка не поверила, да и как ей было поверить? она не знала, что такое поэт, а только любила своего внука.

Несколько дней спустя был званый обед в честь приезжих. Бабушка с радости назвала человек семьдесят: тут были не только все родные и короткие знакомые – обыкновенные посетители ее дома, но – по московскому обычаю – и все те, кого бабушка видала в других домах, даже такие, о которых она только слыхала, что они «в Собрании»²⁴ кланяются с тем или с другим из ее родственников. Мы можем поверить, точно ли всего было семьдесят человек: во-первых, положим одиннадцать родственников и родственниц, да трое коротких знакомых, итого, четырнадцать голов; теперь далее – будем считать по местам где кто живет – с Пресни семь человек, из Тишины и Плетешков²⁵ – круглым счетом девять человек (по наружности оно кажется одиннадцать, но трое – ростом только с полчеловека);

от Николы-в-Сапожках²⁶ – четыре человека; от Николы-в-Башмаках²⁷ – почти столько же (потому что пятый вчера женился); с Балчуга²⁸ и Разгуляя – девять человек; от Николы-на-Курьих-Ножках²⁹ и от многих других Никол³⁰, также от Спаса-в-Чигасах³¹ – двадцать человек (считая в том числе одного, с толстым брюхом, за двух); из-под Весков – два; итак, всего-навсего шестьдесят девять гостей. Извините, что мы одним гостем ошиблись: он также был должен приехать, но узнал, что на ком-то будет жилет лучше, чем на нем, и остался дома.

Обед был чудеснейший; между прочим живой осетр. Его, прежде нежели съели, обнесли вокруг всего стола, и сонливый дядюшка великого поэта, по приказанию своей маменьки, шел впереди процессии, повторяя: «Живой! живой!» Но это путешествие так его утомило, что он молчал все остальное время обеда. Гостей рассадил по их душевным достоинствам: один худошавенький человечек, у которого не более двенадцати душ, заполз было в фалангу татарских праправнуков, имеющих от пятисот до тысячи, но его мигом прогнали на нижний конец стола; только француз-учитель, не владея ни одною душою, кроме своей собственной, которая никуда не годилась, сидел и любезничал между дам; но это потому, что многие московские дамы, даже и бездетные, никак не могут обойтись без учителя-француза.

Что касается до великого поэта, он опять был не в духе: вы знаете, гений не любят толпы, к тому же гости, как москвичи, говорили все на своем языке, то есть на каком-то языке вроде французского³², а мой поэт умел говорить только по-русски. Вследствие этого он чувствовал себя в весьма неприятном расположении, сидел боком, хмурил свои густые брови и метал молниеносные взоры на дам – точь-в-точь как один знакомый мне молодой человек, который, вздумав про себя, что он удивительный гений и удивительный красавец, старается убедить в этом дам, делая им сердитые рожи.

Впрочем, должно отдать справедливость, что если не гости, которые были очень погружены в обед, то некоторые гости заводили речь с моим великим поэтом, как бы желая вызвать его на какую-нибудь поэтическую импровизацию. Бабушка, еще не садясь за стол, успела написать каждому по секрету необыкновенные таланты своего внука. Нашлись люди, слышавшие о Пушкине, нашлись даже такие, которые читали всю первую главу «Евгения Онегина», – и вот мой великий поэт сделался предметом внимания нескольких чувствительных дам, смотревших на него, как на фокусника, в ожидании, не выкинет ли он какой штуки. Но молчаливость великого поэта разочаровала их: они начинали думать, что он совсем не поэт, потому что даже и говорит не стихами.

Ужасно!.. а он, в это самое время, создавал в тайниках души своей великое произведение, которому надлежало быть славою всего человечества!

– Дружочек Петенька, – сказала ему бабушка после обеда, – графиня Лукерья Петровна интересуется прочитать какие-нибудь твои стишки.

– Пожалуй.

– Дарья Ильинична Гремихватова также просит, чтобы ты прочел что-нибудь.

– Согласен.

– Прочти же, что получше.

– У меня все хорошо: я пишу по вдохновению.

– Так прочти мои любимые... как бишь? вот эти, что ты называешь... кажется, в северном вкусе.

– В восточном.

– Ну, в восточном; эти, что ты так хвалишь. Они начинаются: «Туда, туда...»³³ и еще что-то.

– Знаю. Это – великое стихотворение! Ежели бы я не написал ничего больше, оно одно поставило бы меня выше всех современных писателей.

– Да, да. Вот я его сейчас отыщу и прочту сама.

Бабушка побежала в другую комнату; поэт прислонился к двери и, сложа руки на груди по-наполеоновски, задумался, в ожидании грядущего бессмертия. Стихи, на которых он хотел его основать, были следующие:

Туда! туда!.. Восторг и вдохновенье!
Туда! туда!.. Любовь, смерть и мечта!
Туда!.. Там пел Фирдуси³⁴ наслажденье,
Там испаганские³⁵ стоят врата!

Заря тень сгоняет
С восточных полей,
И розу ласкает
Певец-соловей³⁶.

Заря, заря! ты блещешь на востоке,
На восток с тобой стремлюся я!³⁷
Там есть гарем, там вод в кристальном токе
Купается Зюлейка – ах! – моя.

К Зюлейке стремлюся,
К Зюлейке лечу;
С тобою, Фирдуси,
Петь негу хочу.

И так далее; всего восемнадцать четверостиший.

– Вот извольте послушать, – сказала бабушка, надевая очки. Все столпились вокруг нее, расправили уши и открыли форточки своего внимания: только сам великий поэт остался на прежнем месте, вприв горящие очи в спину одной девицы, которая имела привычку весьма раскрывать ее для скорейшего уловления женихов, да еще сонливый дядюшка пребыл неподвижен в своем углу на диване, потому что не успел отдохнуть от описанной выше процессии.

– Вот послушайте! – И бабушка начала читать: – «Туда, туда!.. Во... Вост... орг... и вдох... но... вдохно... вень! Туда, туда!.. лю... бовь... смерть и...» – Бабушка стала. – Ах, Петенька! как ты связно пишешь! Что это такое? «Смерть... и... и...»

– Позвольте, я прочту, – сказал кто-то.

– Нет-с, нет-с! – вскричала бабушка, прижимая стихи к своей груди, – это сочинение моего внука; так уж позвольте мне самой прочитать. «Смерть и... и...» Разобрала! «И мечта!» – Точно, все на свете мечта. Не правда ли?

– Правда, матушка; все на свете мечта³⁸, – отозвалась одна чуть живая старушка, которая в молодости напрасно приводила в действие все ухищрения кокетства, чтобы выйти замуж.

Бабушка возобновила чтение:

– «Любовь, смерть и мечта». Как это прекрасно! «Туда!.. там... пел... Фир... Фир...» Не могу разобрать: тут какое-то немецкое слово. «Фир...»

– Да позвольте мне избавить вас от труда, – сказал опять тот же услужливый гость.

– Нет-с! Нет-с! – возразила бабушка по-прежнему, – я непременно прочту сама стихи моего внука; я знаю их наизусть. – Она принялась разбирать и повторяла: «Фир... Фир...»

– Фирдуси! – вскричал громко великий поэт, не выдержав наконец страдания от дурного чтенья его стихов.

– Ах, точно так! «Фирдуси...» Ну, теперь я прочту. Федюша! – примолвила она, отыскивая глазами своего сонливого сына, – что такое Фирдуси?

– Знаю, – отвечал тот из своего угла.

Бабушка, как кажется, была совершенно удовлетворена этим ответом, потому что продолжала:

– «Фирдуси...» Ну, хорошо! что же тут делает это Фирдуси? «Фирдуси... на... слаж... денье... Там ис... ис... испа... испанские врата!»

– О Боже мой! – возопил великий поэт, проталкиваясь между слушателей, – какие испанские? – испаганские!

– Пожалуй, все равно; будь по-твоему. Я прочту снова. Послушайте, как хорошо!

Бабушка прочла в другой раз весь первый куплет, изувечила его до последней крайности и точно так же поступила со вторым. Стих «Певец-соловей» обратил на себя особенное ее внимание.

– В самом деле, соловей певчая птица, – заметила она. – Вообразите, княгиня Фекла Тарасовна! а мою канарейку ведь кошка съела!

– Неужли? Что же вы сделали с кошкой?

– Бедненькая! – произнесли две или три барышни, интересно подняв глазки к небу.

– Я велела кошку удавить, – сказала бабушка.

– И дельно! – отвечала княгиня, – я то же бы сделала. Ну, да уж дочитывайте поскорей: что-то скучно.

Великий поэт взглянул на княгиню, как будто хотел проглотить ее. Между тем бабушка принялась увечить третий куплет его бес- смертного стихотворения.

– «За... ря, заря!.. ты... бле... блещ... блещешь... на вос... вос... то- ке...» Не правда ли, что это прекрасно? Я, признаюсь, читывала кой- какие стихи. Иногда в них Бог знает что написано! а тут все сушая правда; например, хоть бы заря: она в самом деле всегда занимается на той стороне, где всходит солнышко. Как вам нравится, Анкудин Елевферьич?

– Да читайте же, бабушка! – вскричал великий поэт.

– Сейчас, сейчас! вишь какой нетерпеливый! То-то молодость! «И... на... вос... ток... на восток... с то... бой... стр... стремлюся я!»

Рыдания прервали чтение.

– Нет, Петенька! – вскричала добрая бабушка, кидаясь ему на шею, – не езд, голубчик! пожалуйста, не езд! Ведь это очень далеко. Ну, зачем тебе? Лучше останься в Москве, да женись.

– Вы меня убиваете, бабушка! Читайте, пожалуйста, или отдайте мне.

– Нет, ты можешь всегда прочитать, а теперь – я сама начала, сама и кончу. – И бабушка принялась твердить: – «Там... там...там...»

– Да читайте же, – вскричал великий поэт в бешенстве.

– «Там... там... есть... гар... рем...» Насилу разобрала. Федюша, что такое – гарем?

– А! – откликнулся сонливый Федюша.

– Я спрашиваю, что такое гарем, – повторила бабушка.

– Знаю, – отвечал Федюша, и бабушка опять стала читать.

– «Там есть гарем... Там... вод... в кри... в кри... кри...»

– Кристальном! – сказал поэт, дрожа от досады.

– Кристальном? – хорошо. «В кристальном то... то... токе... ку... ку... пается... Зю... Зю...»

– Зюлейка! – сказал великий поэт.

– Как! – закричала бабушка, – тут написано, что какая-то женщина купается? Ах, Петенька! что ты это наделал? ведь срам, непристойность! А я сдуру-то и читаю при всех!

– Позвольте, – вмешалась одна нарядная дама, – кроме того, что это оскорбляет нравы, тут сказано еще, что она купалась в токе. По-моему, это совсем неестественно: купаются всегда с открытой головой³⁹.

– Но может быть, у них такое заведение, – заметила бабушка.

– Разумеется, заведение, – подтвердил один пожилой человек, соломон гостинной, и бабушка продолжала:

– «К Зюлейке стр... ремлюся... К Зюлейке... лечу... С то... бою... Фир...» Ах, это опять то же Фирдуси! «С тобою, Фирдуси... Пе... пе... петь... не... не...»

Но на этом слове чтение было прервано чудным и ужасным происшествием. Великий поэт давно уже выходил из себя от бешенства: каждое слово его стихотворения, разорванное, истерзанное в устах доброй бабушки, каким-то оглушительным воплем отдавалось в самой глубине души его; слух великого поэта был раздражен до высочайшей степени, все жилы напряглись, нервы бились, кровь прилила к сердцу, голова горела, в глазах было зелено. Ему казалось, что стихотворение его трещит, ломится, падает, как огромная башня; что слова раздробляются вдребезги; что буквы превращаются в какие-то страшилища, которые окружают его, пляшут, кривляются, высовывают ему свои черные языки и воют ужасными, дикими голосами. Вдруг он закричал, выбежал из комнаты, из дому и упал на снег. Его перенесли на постелю и напоили теплою мятой. К вечеру ему стало легче, но... жребий свершился! он перестал сочинять стихи. Памятником его поэтической жизни осталось только стихотворение, окаленное бабушкой: прочие погибли в пламени камина.

Я с трепетом слушал, когда великий поэт рассказывал мне это трагическое событие. Он клялся Фебом, что мучения раков, которых заживо варят, рыб, которых заживо чистят, и людей, которых заживо пекут, – решительно ничего не значат в сравнении с мучениями поэтов, которых стихи читает бабушка!

Печатается по тексту рукописного альманаха Майковых «Лунные ночи. Собрание сочинений в стихах и в прозе. 1839» (ИРЛИ. №16496. Л.106–123). Подпись: W. Saltbox, esq.

¹ Фаларис – древнегреческий тиран (IV в. до Р.Х.); согласно легенде, заживо сжигал своих врагов в бронзовом быке, имевшем особое устройство, которое превращало крики жертвы в мычание быка. Прокруст – легендарный древнегреческий разбойник; имел два ложа – большое и маленькое;

на первое укладывал людей небольшого роста и бил по ним молотом, растягивая их тела; на второе – рослых людей и отпиливал выступающие части.

² Иван Иванович Михайлов (1822–1897), в 1830-е студент Казанского университета, вспоминал, что «в то время между профессорами было еще много монстров, оставшихся от старого времени. Такими допотопными созданиями наполнены были словесный и юридический факультеты; им давали время на выслугу полного пенсионера. <...> Некоторые из числа доморожденных профессоров были небезукоризненны в нравственном отношении, не говоря уже о том, что плохо знали свой предмет» (*Михайлов И.И.* Казанская старина // Русская старина. 1899. Т.100. №10. С.109; №11. С.400).

³ Как отмечал историк Казани М.С.Рыбушкин, «по мере водворения в Казани христиан, коренные жители, т.е. Татары, вынуждены были выселяться на края города, и таким образом существуют ныне две отдельные Татарские слободы, так называемые *Старая* и *Новая*» (*Рыбушкин М.С.* Казань // Заволжский муравей. 1832. Ч.1. №1. С.41). По свидетельству современника, в Татарской Слободе «изредка, лишь кой-где встречается магометанин, и все кажется погруженным будто в сонную неподвижность» (*Белов И.* Путевые заметки и впечатления по восточной европейской России. М., 1852. С.41).

⁴ Булак – «канал, или проток <...> (мелкий, тинистый и вонючий лотом), который, проходя сквозь всю нижнюю часть Казани, соединяется с рекой Казанкой» (*Аксаков С.Т.* Собирание бабочек // *Аксаков С.Т.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1955. Т.2. С.172). Булаком называлась также местность, прилегающая к протоку, где весной устраивалась ярмарка.

⁵ Медина – город в Саудовской Аравии, место захоронения Магомета.

⁶ «Абидосская невеста» (1813) – поэма Дж.Г.Байрона. В рус. пер. И.И.Козлова: «Невеста абидосская. Турецкая повесть лорда Байрона» (СПб., 1826). В тексте «Сказания...» обыгрываются, видимо, следующие фрагменты поэмы: «“Зюлейка – сердца утешенье!..”»; «...“Но как молчать, стерпеть ли мне, / Чтоб мужем был Осман тебе?..”»; «“Зюлейка! ты моей рабою?.. / Пророком я клянусь!..”» (*Козлов И.И.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1960. С.338, 354, 355). Имя «Зюлейка» широко использовалось в массовой романтической поэме (подробнее см.: *Жирмунский В.М.* Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. Л., 1978. С.308, 258–259) и лирической поэзии («в восточном вкусе»). Особо следует отметить стихотворение студента Казанского университета (1829–1833) Афиногена Ивановича Шляпникова «Гирей и Зюлея», опубликованное в казанском журнале «Заволжский муравей» (1832. Ч.1. №8. С.430–431) и представляющее собой как бы краткий конспект «восточной» романтической поэмы. Автор, очевидно, воспринял форму имени героини «Абидосской невесты» как уменьшительно-ласкательную. Имя Зюлейки возникло и в пародиях на «восточную» романтическую поэму (см: Русская стихотворная пародия (XVIII–начало XX в.) Л., 1960. С.329). Выражение «жемчужина востока» заимствовано, вероятно, из стихотворения В.Г.Бенедиктова «К черноокой» ([1835]; в 1838 положено на музыку): «Ты – жемчужина Востока, / Поля жаркого цветок!» (*Бенедиктов В.Г.* Стихотворения. Л., 1983. С.97).

⁷ Профессор Московского университета М.Т. Каченовский (1775–1842) одним из первых начал знакомить русских читателей с Байроном; с 1818 он публиковал в издававшемся им журнале «Вестник Европы» различные статьи и заметки о нем, а в 1821 выпустил «Выбор из сочинений лорда Байрона, переведенных с французского» (М.) – небольшую хрестоматию его произведений, переведенных прозой (подробнее см.: *Маслов В.И.* Начальный период байронизма в России: Критико-библиографический очерк. Киев, 1915. С.51–52, 65–68; *Алексеев М.П.* Русско-английские литературные связи: XVIII–первая половина XIX века // Литературное наследство. М., 1982. Т.91. С.453–454).

⁸ Выражение «серобумажная литература» в критике первой половины XIX в. было (в различных вариациях) достаточно устойчивым и обозначало литературу самого низкого сорта.

⁹ Ниже в повести перечисляются образцы массовой романтической поэмы конца 1820-х–начала 1830-х. Подобного рода «сюжетные» перечисления практиковались в русской журналистике (см., напр.: *Надеждин Н.И.* Литературная критика. Эстетика. М., 1972. С.67).

¹⁰ «Паризина» — поэма («историческая повесть») Байрона (1816); в 1820-е гг. вышли два ее перевода: В.Е.Вердеревского (СПб., 1827; с французского) и Н.Карцова (М., 1829).

¹¹ «Джяур, отрывки Турецкой повести, из соч. Лорда Байрона, в стихах; пер. Н. Р.» (М., 1822); «Гречанка» – анонимная поэма (СПб., 1827); о других «Гречанках» см.: *Жирмунский В.М.* Байрон и Пушкин. С.404, 406; «Киргизский пленник» – повесть в стихах Н.Н.Муравьева, «взятая с истинного происшествия Оренбургской линии» (М., 1828); «Гребенский казак» – повесть А.В.Шидловского (СПб., 1831); «Чека» – уральская повесть Ф.А.Алексеева (М., 1828).

¹² Имеется в виду барон Е.Ф.Розен, его поэма «Дева семи ангелов» (изд.: *Розен Г.* Дева Семи Ангелов и Тайна. СПб., 1829) и трагедия в 5 действиях «Осада Пскова» (СПб., 1834) на сюжет из русской истории XVI века; приводимой в тексте «Сказания...» фразы в ней нет, наиболее близкая по смыслу реплика: «Сейчас пусти – / Иль вышибу все зубы!» (С.87). В 1838–1839 Розен в качестве секретаря сопровождал вел. кн. Александра Николаевича в путешествии по Италии и Германии и почти не печатался.

¹³ Критические выпады в сторону авторов романтических поэм за их пристрастие к изображению «ужасов, злодейств и сумасбродств» были достаточно распространены в критике тех лет; ср. у Н.И.Надеждина: «*Душегубство* есть любимая тема нынешней поэзии, разыгрываемая в бесчисленных вариантах: резанья, стрелянья, утопленничества, давки, заморозенья... et sic in infinitum! Самый изобретательный инквизитор века Филиппа II подивился бы неистощимому разнообразию убийств и самоубийств, замышляемых настоящими гениями в услаждение и назидание наше!» (*Надеждин Н.И.* Указ. соч. С.69). Еще раньше подобную тенденцию критиковал П.А.Катенин (см.: *Катенин П.А.* Размышления и разборы. М., 1981. С.259–260), а уже в 1831 рецензент «Северной пчелы» отмечал, что «пошлые повести о разбойниках и убийцах <...> перешли теперь к литературной черни, как изно-

шенное платье шеголихи переходит к служанке» (цит. по.: *Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. С.348*).

¹⁴ «Пещера Кудеяра» – повесть в стихах С.Степанова (М., 1828); «Пленник Турции» – поэма Д.Д.Комисарова (М., 1830), по своим художественным качествам стоящая за гранью литературы; «Муромские леса» – повесть в стихах А.Ф.Вельтмана (М., 1831). Возможно, во фразе о поэме Вельтмана содержится отдаленная реминисценция из «Послания к Александру Алексеевичу Плещееву» (1794) Н.М.Карамзина: «Ужель сокрыться / В пустыню Муромских лесов...»; «Скитающийся странник, или Ночной побег приговоренного к эшафоту» – повесть Н.И.Фомина (М., 1830).

¹⁵ Френ (von Frähn) Христиан Данилович (1782–1851) – ученый-ориенталист, нумизмат; один из основоположников русского востоковедения, в 1807–1817 преподавал в Казанском университете; автор многочисленных трудов по истории и языкознанию, преимущественно на немецком языке; о. Иакинф (в миру Бичурин Никита Яковлевич, 1777–1853) – ученый-синолог, переводчик и путешественник; автор путевых очерков по Сибири; до 1839 выпустил книги «Историческое обозрение ойратов, или калмыков, с 15 столетия до настоящего времени» (СПб., 1834) и «Китайская грамматика» (СПб., 1835).

¹⁶ Во имя Бога милостивого и милость творящего – начальные слова каждой суры Корана. С Кораном Солоницын был знаком, по-видимому, по немецким или французским переводам, т.к. в ранних русских переводах Корана эта фраза была переведена иначе.

¹⁷ Десть – единица счета писчей бумаги (24 листа).

¹⁸ Как отмечал в 1832 Н.А.Полевой, «наша русская литература доньше состоит из отрывков <...> наша словесность завалена *отрывками* из поэм, комедий, опер, трагедий, драм, которые вполне не существуют и никогда не будут существовать» (цит. по: *Русская стихотворная пародия. С.322*). О том, что «отрывок есть <...> царь новейшей словесности, верх изящного», писал в 1833 и О.И.Сенковский (см.: *Сенковский О.И. Сочинения Барона Брамбеса. М., 1989. С.37*).

¹⁹ «Слава женского пола» – книга стихов Г.В.Герасова (СПб., 1805), отличающихся особой галантностью.

²⁰ Здесь иронически перефразированы суждения критики об «уголовном» содержании ряда романтических поэм; ср. в рецензии на «Нищего» А.И.Подолинского: «...гораздо лучше сделал бы Автор, если бы, послушавшись совета “Вестника Европы”, оставил эти страшные преступления на суд гражданский» (*Московский вестник. 1830. Ч.2. С.259*).

²¹ Филе (*фр. filet*) – ажурная вязка, кружева.

²² Это высказывание имеет определенную аналогию со словами Н.И.Надеждина в рецензии на поэму А.И.Подолинского «Борский» (1829): «Но, говорят, поэтический инстинкт может заменить для гения всю школьную пыль учености! Природа-де познается не из книг и не за скамьями: сердце

свое можно изучать самому, без указки профессорской <...> Ведь Гомер и Шакспир не учились в университетах!» (*Надеждин Н.И.* Указ. соч. С.74).

²³ Возможно, в этих словах содержится намек на упреки романтикам в пренебрежении стилистическими и грамматическими формами. Ср. мнение Классика в предисловии П.А.Вяземского к «Бахчисарайскому фонтану»: «...ныне завелась какая-то школа <...> не следующая никаким правилам, кроме своей прихоти, искажающая язык Ломоносова, пишущая наобум, шеголяющая новыми выражениями, новыми словами...» (*Вяземский П.А.* Эстетика и литературная критика. М., 1984. С.48). Любопытно и объяснение «классиками» подобных отступлений: «Так вот для чего твердят они (романтики. – А.Б.) беспрестанно: “для произведений изящных не надобны формы, не надобны правила, не надобно участие рассудка” – чтобы необузданному воображению своему дать совершенную волю бродить везде и всякими путями <...> Не похожи ли на сонный бред все их писания!» (*Ю-ъ К-въ.* Второе письмо к Лужницкому старцу о быстрых успехах Русской Поэзии // Дамский журнал. 1828. Ч.23. №15. С.123, 124).

²⁴ Имеется в виду Московское Благородное Собрание, с 1785 г. размещавшееся в купленном московским дворянством доме кн. В.М.Долгорукого в Охотном ряду (арх. М.Ф.Казаков). «...Дом сей <...> огромен; <...> ныне внутри великолепно убран; зала оног помещает в себе до 3000 посетителей» ([*Гурьянов И.Г.*] Москва, или Исторический путеводитель по знаменитой столице Государства Российского... М., 1831. Ч.3. С.38).

²⁵ Пресня – московская слобода (ранее именовавшаяся «приездней»), где в старину у «гостей заезжих» отбирали «показание по крестному целованию: как, зачем, и по какому делу приехал он на Русь православную» (*Макаров М.Н.* Заметки о Москве // Московский наблюдатель. 1837. Ч.15. С.231); Тишина – район между Хамовниками и Пресней, где расположены несколько Тишинских переулков; Плетешки – московский переулок.

²⁶ Никола-в-Сапожках – церковь, находившаяся недалеко от Троицкого моста; по словам современника, она «весьма мала и отличается древностию архитектуры; построена в 1683 году и даже внутренним украшением сохранила память древности» ([*Гурьянов И.Г.*] Указ. соч. Ч.3. С.114). Согласно другому источнику, строительство ее было закончено в 1648 г. (см.: [*Максимович Л.М.*] Историческое известие о всех церквях столичного города Москвы... М., 1796). Разобрана в конце 1830-х гг. О происхождении названия этой церкви пишет А.Мартынов: «...полагали, что она была построена неким Сапожковым; но в делах Главной Полицмейстерской Канцелярии 1759 г. <...> мы нашли около этой церкви фартину Сапожок...» (*Мартынов А.* Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями. М., 1888. С.182).

²⁷ В Башмачках находилась церковь Похвалы Пресвятыя Богородицы, построенная в 1705 г. и названная по имени ее строителя Башмакова (см.: *Мартынов А.* Названия московских улиц... С.181; *Благовещенский И.А.* Краткие сведения о всех церквях Московской епархии... М., 1874. С.24). Сходный прием (сознательная фактическая неточность ради достижения эффекта комического перечисления) использован и в анонимной повести «Привидение», помещенной в рукописном журнале Майковых «Под-

снежник» на 1836 г.: «...в приходе у Николы... не то в Сапожках, не то в Башмачках...» (ИРЛИ. №16494. Л.71об.).

²⁸ Балчуг – улица, которая «начинается от Москворецкого моста и доходит до Цепного моста. <...> Слово Балчѣх на татарском языке значит грязь, что весьма подходит к топкому и рыхлому грунту этой местности. <...> Здесь и по сие время одно из самых грязных и топких мест в Москве» (*Мартынов А.* Названия московских улиц... С.17, 18). Разгуляй – «небольшая трех-угольная площадка, на которую сходятся улицы Старая и Новая Басманная. <...> Говорят старожилы, что здесь лет за 50 было место, где большею частию буйная юность собиралась, так сказать, погулять и повеселиться» ([*Гурьянов И.Г.*] Указ. соч. Ч. 4. С.40).

²⁹ Имеется в виду церковь Николы на Курье-ножке; согласно преданию, рядом жил любимый царский сокольничий Никола по прозванию Курьяножка, который построил ее в честь своего ангела (см.: *Мартынов А.* Указ. соч. С.181–182; *Макаров М.Н.* Предание об урочище Курьи Ножки // Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. 1822. Ч. 20. С.174–177).

³⁰ В 1839 в Москве было 30 приходских церквей во имя св. Николая Чудотворца, Архиепископа Мирликийского (см.: *Г.С.* Историческое известие о всех соборных, монастырских, [ок]ружных, приходских и домовых церквах, находящихся в столичных городах Москве и Санктпетербурге... М., 1839. С.110–112).

³¹ Церковь Спаса-в-Чигасах «построена [в] 1483 г. игуменом (по прозвищу) Чигасом, основавшем на этом месте мужской монастырь, и оттого прозвана Спас-Чигасых, или в Чигасах. <...> ...Спасочигасский приход прежде был одним из лучших в Москве. О богатстве чигасских за Язуою обывателей, собиравших во множестве серебро и золото, свидетельствует и народная песня. <...> Ныне Спасский в Чигасах приход, по выходе богатых и знатных людей, далек от того значения, какое имел он прежде» (*Невострුව К.И.*] Описание Спасо-Чигасской церкви в Москве. М., 1858. С.3, 6, 22, 24).

³² Ср. с характеристикой московского общества в статье И.М.Муравьева-Апостола «Письма из Москвы в Нижний Новгород» (1814): «Из ста чело-век у нас (и эта самая умеренная пропорция) один говорит изрядно по-французски, а девяносто девять по-гасконски; не менее того все лепечут каким-то варварским диалектом, который почитают французским потому только, что у нас это называется говорить по-французски» (цит. по: *Фомичев С.А.* Комедия А.С.Грибоедова «Горе от ума»: Комментарий. М., 1983. С.79).

³³ «Туда, туда...» – одно из наиболее часто встречающихся в русской поэзии тех лет выражение, восходящее к песне Ньоны из романа И.В.Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1795–1796): «Там счастье, друг! Туда! – туда / Мечта зовет! Там сердцем я всегда!» (пер. В.А.Жуковского, 1818).

³⁴ Фирдуси (Абу-ль-Касим Фирдоуси, ок. 940–1020 или 1030) – персидский поэт, автор эпической поэмы «Шах-наме». Первые ее переводы на европейские языки (английский и французский) были сделаны в 1820–1830. Герой «Сказания...», очевидно, путает Фирдоуси с Гафизом, лирическим героем «Западно-восточного дивана» Гете, поскольку первого едва ли мож-

но характеризовать как «певца наслаждения и нег», и он воспринимался скорее как «мудрец холодный» (*Подолинский А.И.* Фирдоуси // Северные цветы на 1828 год. СПб., 1827. С.31. Паг. 2-я) или «Персидский Омер» (*Б.л.*) Фирдоуси // Северные цветы на 1826 год. СПб., 1826. С.199; ср. также: *Шлегель Ф.* История древней и новой литературы. Изд. 2-е. СПб., 1834. Ч. 1. С.335).

³⁵ Исфаган (Исфаган) – город в Персии, славившийся архитектурными памятниками.

³⁶ Поющий над розой соловей в 1820-е гг. стал расхожим образом, постоянно встречающимся в массовой «восточной» поэзии того времени; ср.: «На что, на что мне слава мира, / Какая польза мне от ней? – / Поет над розой соловей, – / В моих объятиях Зельмира!» (*Редкин А.* Элегия (Подражание Восточному) // Северная пчела. 1827. №117. 29 сент.); «Ароматным утром Мая, / О подруге воздыхая, / О любимице своей, / Пел над розой соловей» (*Раич С.Е.* Песнь соловья // Венера, или Собрание стихотворений разных авторов. М., 1831. Ч.4. С.66); «И упоенный соловей, / К ее листам прикинув, млеет / И до утра поет над ней» (*Ознобишин Д.П.* Три розы // Галатея. 1829. Ч.2. №8. С.87). В 1836 г. «Северная пчела» в рецензии на пьесу К.А.Бахтурина «Молдаванская цыганка», высмеивая главного героя, князя Мстиславского, писала, что он рассказывает своей возлюбленной «стихами, и за новость, про любовь соловья и розы, – басня, которую на Востоке знает всякое дитя» (Северная пчела. 1836. №92. 24 апр.). Позднее этот образ превратился в символ «чистого» искусства и использовался в полемических целях; так, к примеру, в 1863 г. В.А.Зайцев писал, что хорошим он признает то художественное произведение, «которое не занимается любовью соловья к розе, а обращается к предметам житейским» (*Зайцев В.А.* Избр. соч.: В 2 т. М., 1934. Т.1. С.138).

³⁷ Мотив «стремления на Восток» также достаточно часто использовался в поэзии тех лет; ср.: «К востоку я стремлюсь душою!» (*Жуковский В.А.* Явление поэзии в виде Лалла Рук (1821) // *Жуковский В.А.* Полн. собр. соч.: В 3 т. Пг., 1918. Т.1. С.294); «К востоку, все к востоку / Стремление земли – / К востоку, все к востоку / Летит моя душа...» (*Жуковский В.А.* Песня (1831) // Там же. Т.1. С.360); «Сердце рвется на Восток, – / Там страна моя родная!» (*Ободовский П.Г.* Отважный пловец на чужбине (1827) // Поэты 1820–1830-х гг. Л., 1972. Т.1. С.449).

³⁸ Следует отметить различие значения слова «мечта» для старушки и поэта: для нее мечта (в соответствии со словоупотреблением XVIII в.) – «химера», «призрак» (ср.: «Мечта! мечта! сердец отрава! / Исполнена одной ты тли!..» – Г.П.Каменев, «Мечта», [1796]), для поэта же – «греза», «фантазия» («Подруга нежных Муз, посланница небес, / Источник сладких дум и сердцу милых слез...» – К.Н.Батюшков, «Мечта», 1817, позднейшая редакция). Подробнее об употреблении слова «мечта» в поэзии того времени см.: *Вацуро В.Э.* Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». СПб., 1994. С.77–81).

³⁹ Ток (*фр. toque*) – женский головной убор, круглый, прямой, без полей; носился вплоть до конца XIX в.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
STUDIA BIOGRAPHICA

БИОГРАФИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

8

ДБ

Санкт-Петербург
2001